

СТОПАМИ СТАЛКЕРОВ

ВАЛЕРИЙ «А.КУПЕР» КОРНЕЕВ VALKORN@GUIDES.RU

Об игре S.T.A.L.K.E.R.: The Shadow of Chernobyl, наверное, знают все читатели нашего журнала. Проект украинских разработчиков GSC Game World вряд ли нуждается в каких-то особенных представлениях. «Интеллектуальный FPS», события которого происходят в недалеком будущем на территории зоны отчуждения вокруг повторно взорвавшейся Чернобыльской атомной электростанции, давно уже не сходит со страниц специализированной прессы. Хотя сюжет «Сталкера» разворачивается в 2006 году, он является лишь проекцией катастрофы, разразившейся на чернобыльской земле двадцатью годами раньше, в ночь 26 апреля 1986 года.

В середине марта мы посетили киевский офис GSC Game World, где журналистам была представлена свежая демо-версия игры – подробнее о гейм-тесте вы можете прочитать в 08(161) номере журнала «Страна Игр». Помимо презентации игрового билда «Сталкера» украинская сторона предприняла беспрецедентный шаг: для нас была организована однодневная поездка в так называемую зону отчуждения вокруг Чернобыльской АЭС. Мы посетили город Чернобыль, сам комплекс ЧАЭС с возведенным над печально известным четвертым энергоблоком объектом «Укрытие», находящийся всего в четырех километрах от электростанции город Припять и огромное кладбище техники, принимавшей участие в ликвидации последствий аварии.

17 марта 2004 года

08:00, Киев

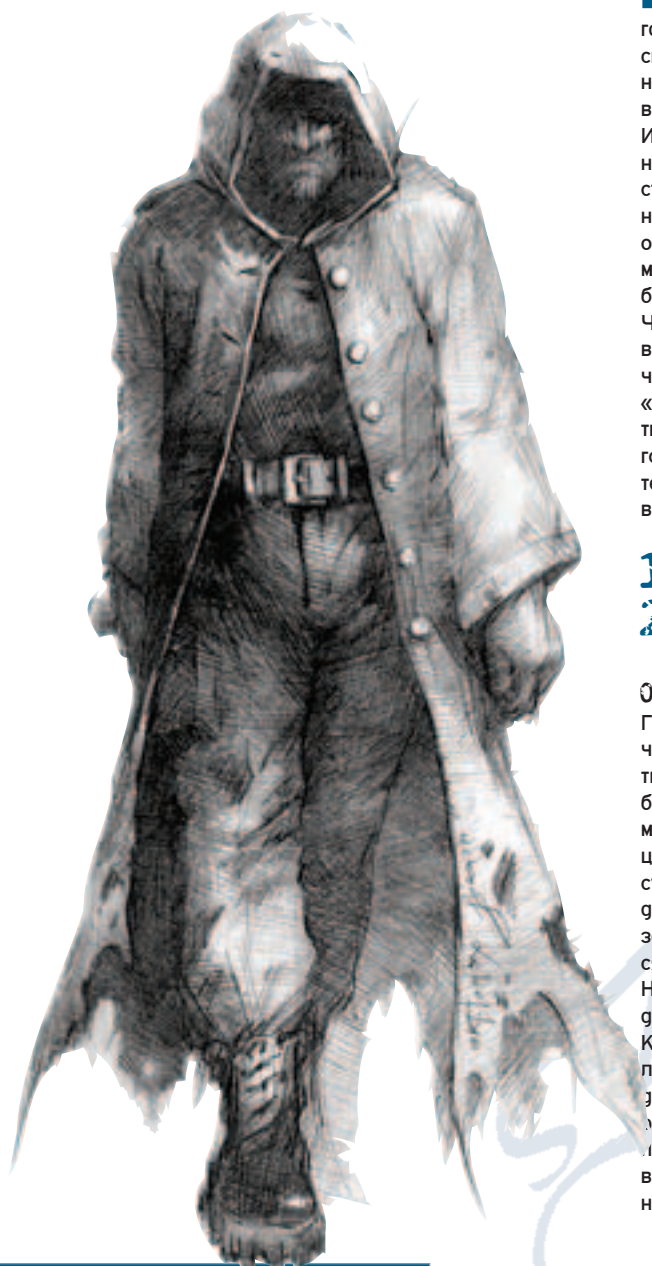
Группа российских журналистов, в числе которых и мы, на выходе из гостиницы грузится в небольшой автобус с символикой МВД Украины. С нами женщина-экскурсовод, сотрудница «Чернобыльинтеринформа» – государственного агентства, сопровождающего туристов в Чернобыльской зоне. Автобус трогается, мимо проносятся громады зданий Крещатика. Направляемся на север, вся поездка должна занять около двух часов. В Киеве снег уже сошел, но за городом песа еще хранят напоминание об уходящей зиме – то тут, то там среди деревьев поблескивают грязно-белые пятна. Коротая время, обмениваемся впечатлениями об увиденной накануне игре, сходясь во мнении, что к объ-

явленному западным издателем сроку (25 мая) «Сталкер», конечно, выйти не успеет.

10:45, КПП «Дитятки»

С небольшим опозданием тормозим у блокпоста, за которым начинается тридцатикилометровая «заборонена зона», как гласит предупреждающая табличка на украинском. Рядом – ярко-желтый трилистник радиационной опасности. Милиционеры – в бронежилетах. Они здесь для того, чтобы предотвратить воровство зараженных материалов из зоны. Рассказывают, что недавно тормознули на выезде КаМаЗ, доверху загруженный трубами из нержавеющей стали – рядом с ним дозиметры зашкалило. Оказалось, мародеры выкопали трубы, служившие на 4-м энергоблоке и захороненные ликвидаторами, – сбывчиков металла не волновало то, что они получают предельную дозу облучения...

Наши паспорта сверяют с листом-программой экскурсовода, машут рукой – проезжайте. Программа пребывания в зоне и наш маршрут расписаны буквально по минутам, но мы опаздываем, не вписываясь в график. Пост милиции остается позади, мы въезжаем на территорию, принявшую на себя губительный радиационный удар. Внешне ничего не меняется – тот же лес по бокам дороги, тот же асфальт шуршит под колесами автобуса. Только снега прибавилось. И таблички с названиями деревень по обочинам мелькают. Не сразу становится ясно, что все эти населенные пункты – здесь, только полностью скрыты зарослями. Приглядевшись, среди частоты деревьев можно разглядеть полуразвалившиеся, покосившиеся дома, зияющие черными провалами окон. На территории зоны семьдесят

шесть отселенных деревень, большинство из них уже поглощено лесами...

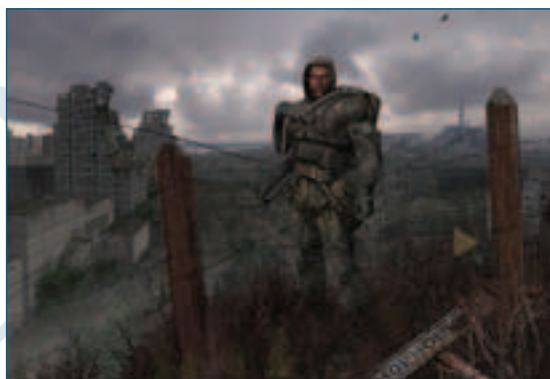
11:30, Чернобыль

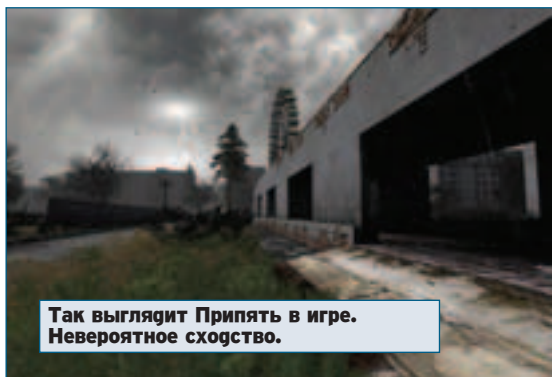
Грязноватые двух- и трехэтажные дома сталинских и хрущевских времен, старые машины, продуктовый магазин с неперенным жутким смрадом – в неухоженном Чернобыле впервые чувствуешь себя вернувшимся в советское детство. Впоследствии в зоне это ощущение возвращается не раз. Только в отличие от детства люди на улицах – сплошь в камуфляже. Многие дома стоят с заколоченными досками окнами и сверными проемами. В покинутых коренными жителями Чернобыля квартирах размещается обслуживающий персонал станции, военные, милиционеры, ремонтники, повара – все те, кто дежурит здесь вахтовым методом: пятнадцать дней в зо-

не, пятнадцать – за ее пределами. По украинским меркам платят тут очень хорошо, и желающие трудиться на зараженной земле всегда находятся. В благообразно выглядящем здании «Чернобыльинтеринформа» нам показывают карту зоны – тридцатикилометровый и десятикилометровый периметры. Неровное пятно вылезает за границу Украины, частично пролегая по территории соседней Белоруссии. На выезде из города разворачиваемся около пожарной части, где установлен памятник героям, тушившим 4-й энергоблок. Блестящие металлические фигуры людей, застывших за работой.

12:20, ЧАЭС

Лес по обочинам редет. Проехав с минутной остановкой КПП «Лелив», мы оказываемся в десятикилометровой зоне вокруг станции. Она уже виднеется на горизонте – громада серого бетона с высокой трубой 4-го блока. Автобус идет на большой скорости вдоль замерзшего канала – когда станция функционировала (последний энергоблок отключен в 2000 году), вода использовалась для охлаждения реакторов. По обе стороны вздымаются частоколы линий электропередач, трубопроводы, какие-то котельные, цеха – все вместе напоминает гигантский, растянувшийся на километры завод. Через несколько минут следует запрет на фотографирование, хотя по бокам дороги давно мельтешат лишь бетонные плиты. Подъезжаем к современному зданию без всяких следов запустения – это пресс-центр объекта «Укрытие» со смотровой площадкой, откуда открывается вид на массив-

Так выглядит Припять в игре. Невероятное сходство.

ный саркофаг, вздымающийся на высоту многоэтажного дома. Картинка знакома по газетным и журнальным публикациям и, конечно, по кадрам и видеороликам «Сталкера». Сотрудники пресс-центра проводят краткий радиационный ликбез. В нескольких сотнях метров от «Укрытия», где мы сейчас находимся, излучение составляет 1,3-1,5 миллирентгена в час. Смертельным является часовое пребывание при фоне более 500 рентген. Внутри саркофага, куда добираться дистанционно управляемые японские роботы, фон куда выше. После взрыва излучение варьировалось от трех до тридцати тысяч рентген в час. Никто точно не знает, что происходит внутри саркофага, возведенного авральными темпами к ноябрю 1986 года. Сам он достаточно сильно изношен, толщина кровли в отдельных местах составляет всего 1,5 миллиметра – естественно, ржавчина постепенно проедает такой тонкий слой металла.

В здании пресс-центра напротив окна с видом на станцию (съемки строго запрещены) установлен макет ЧАЭС, на котором нам демонстрируют обширные разрушения, последствия аварии. По стенам развешены флаги двадцати девяти государств, жертвующих средствами на постройку нового саркофага. Флаг России отсутствует.

13:00, Припять

Всего в четырех километрах от станции стоит город Припять, заложенный в 1970 году. За три часа 27 апреля 1986 года были эвакуированы все пятьдесят тысяч его жителей. Люди уезжали «на несколько дней», чтобы больше не вернуться никогда. Здесь навечно застыл тот момент, когда над видимой из любой точки города АЭС реял столб дыма, а на улицах появились дозиметристы в защитных костюмах и колонны автобусов. За ограждением из колючей проволоки – желто-красные телефонные будки, вывески на русском, а не на украинском языке: «Дом быта», «Продмаг»; строфа из текста гимна СССР на обветренной стене шестнадцатизатяжки: «Партия Ленина, сила народная, нас к торжеству коммунизма ведет». Советские гербы на крышах – словно надгробия. Мы высаживаемся из автобуса и послушно бредем за гидом, втягивая головы в плечи. Покинутые здания делят, гнетут, здесь в полную силу чувствуется атмосфера зоны – это город-мертвец, пустой безжизненный остров. Когда-то роскошный дворец культуры, зарастающий деревьями, с обвалившейся цветастой мозаикой, изображающей пионерский слет – фронтан перед ним заполнен белесой жижей. Плиты тротуара густо поросли мхом, нам советуют на него не становиться. Осторожно ступаем, обходя зеленоватые пятна. Глаза и матрица фотокамеры фиксируют об-

разы. В одном из дверных проемов видны в беспорядке сваленные портреты членов Политбюро, обтянутые поблекшим красным бархатом урны для голосования, знамена и транспаранты. В голове мелькает давно забытое слово «агитпункт». Крытый плавательный бассейн с огромными окнами, где не осталось ни одного целого стекла. Огромное покосившееся колесо обозрения, готовое обрушиться на выгранный из детства призрак городка аттракционов с заржавленными каруселями и автодромом, где кто-то уже искорежил и перевернул все электромобили – точно такие площадки были почти во всех городах страны. Разрытые газоны – работа диких кабанов, облюбовавших погребезды многоэтажек. А нас ведут дальше – в детский сад, где на кроватках лежат вперемешку игрушки, куклы и фильтры от противогазов, где на полу тетрадь с распорядком дня группы на 17 февраля 1986-го, где на кухне – залы посуды и бело-голубые литровые пакеты молока, а на шкафчике – плюшевый Чебурашка с дырками на месте глаз. Я видел его фотографии в журнале «Пионер», когда был ребенком. Это уже не похоже на «Сталкера». Метания по Припяти напоминают другую игру, названную в честь другого городка. Они напоминают о Silent Hill.

15:30, кладбище техники

Бесконечное, кажется, поле уставлено многими десятками рядов ржавых пожарных машин, БТРов, танков, тягачей, армейских крытых грузовиков, самосвалов, автобусов, тракторов, легковых машин, бульдозеров, прицепов, трейлеров, самоходок. Их сотни, вполне возможно – тысячи. У опушки леса виднеется с десятков тяжелых транспортных вертолетов, сбрасывавших бор, песок и глину на полыхающие останки реактора. Вскоре после катастрофы всю участвовавшую в спасательных операциях технику планировали дезактивировать и использовать дальше – но та «фонила» так, что в фотоаппаратах засвечивалась пленка. Тогда решено было упокоить тысячи тонн зараженного металла на этом кладбище, как и застывшие на приколе баржи рядом с некогда оживленным речным портом в Припяти...

17:25, КПП «Дитятки»

Милиционер ощупывает подошвы обуви дозиметром на длинной ручке. Прибор сигнализирует зеленой лампочкой. Чисто. Мы покидаем Чернобыль. Нас ждут родные квартиры, битком набитые поездом метро, бессонные ночи перед сдачей номера и коробки с новыми играми.

Толщина кровли саркофага в отдельных местах составляет всего 1,5 миллиметра, и ржавчина постепенно проедает тонкий слой металла...

